

С. А. ГОНИОНСКИЙ

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ США В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В революционной, освободительной войне против Великобритании (1776—1783 гг.) английские колонии в Северной Америке завоевали свою независимость и образовали новое самостоятельное государство — Соединенные Штаты Америки. Бесспорно, что война колоний за независимость носила справедливый, прогрессивный характер. Но уже в начале XIX в. созданная в результате успешного исхода этой войны молодая буржуазная республика сама становится на путь захвата и колонизации окружающих ее территорий.

В проведении политики территориальной экспансии, в создании собственной колониальной системы были заинтересованы господствующие классы США: плантаторы, рабовладельцы, земельные спекулянты, купцы и промышленники. Как пишет У. Фостер: «Об экспансионистских замыслах правящих классов Соединенных Штатов свидетельствует многозначительное название, присвоенное новой республике Конституционным конвентом: Соединенные Штаты Америки. Никакая другая страна Западного полушария никогда не пыталась присвоить исключительно себе общее имя Америки»¹. Политику расширения земельного фонда США поддерживали также крупные фермеры, часть скваттеров — переселенцев и мелкой городской буржуазии.

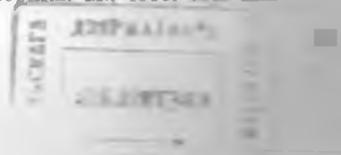
Безудержная экспансия США на Запад развернулась в первые же десятилетия XIX в. Агрессия против соседних народов явилась одним из важнейших источников обогащения американских капиталистов и плантаторов.

Стремясь оправдать свои захватнические действия, правящие круги США изобрели и настойчиво распространяли лживую версию о том, что они будто бы занимали соседние территории и вмешивались в дела латиноамериканских стран только в интересах «обороны» США и Западного полушария, что, помешав европейским державам подавить движение за независимость бывших испанских колоний в Америке, они якобы являлись лучшими друзьями латиноамериканцев.

Многие современные американские буржуазные историки, защищающие интересы агрессивных империалистических кругов США, не только услужливо повторяют эти старые измышления, но и пытаются подкрепить новыми «рассуждениями» и «данными» выдумку о якобы особой «освободительной» роли США в Западном полушарии. Современные идеологи и апологеты американского империализма фальсифицируют исторические документы и факты таким образом, чтобы изобразить США поборниками мира и справедливости в прошлом и прикрыть тем самым их нынешнюю политику, направленную на завоевание мирового господства.

Так, один из виднейших в США специалистов по истории Латинской Америки А. Уиткер в своей книге «США и независимость Латинской Америки», полностью игнорируя исторические факты, заявляет: «США —

¹ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М., 1955, стр. 25.

ведущий борец за свободу — взяли на себя задачу защиты Латинской Америки от европейской агрессии и установления торговых и культурных, а также политических связей с новыми государствами»².

Другой крупнейший американский буржуазный историк — Д. Перкинс утверждает в своей работе о доктрине Монро: «В основе американской политики лежат политические симпатии (к народам Латинской Америки. — С. Г.), а не собственные экономические интересы... Эти симпатии проявляются с самого начала борьбы южноамериканцев»³.

Трубадур американского империализма С. Бэмис, автор неоднократно переиздававшейся книги «Дипломатическая история Соединенных Штатов», открыто берет под свою защиту территориальные захваты США в XIX в., утверждая, что они были необходимы для безопасности и дальнейшего развития молодой американской республики⁴. Объявляя захват Луизианы «исторической необходимостью», он следующим образом «обосновывает» в другой своей книге, «Латиноамериканская политика Соединенных Штатов», захват Флориды: «Луизиана не была в безопасности до тех пор, пока Флориды находились вне владений Соединенных Штатов»⁵.

Подобные же утверждения об «оборонительной» и «освободительной» политике США в Западном полушарии содержатся во многих других книгах, написанных по истории США конца XVIII — начала XIX в., в бесчисленных заявлениях американских президентов, министров, дипломатов и т. д. Все эти фальсификации преследуют одну цель — подчинить интересам нынешней политики правящих кругов США историю прошлых событий. Поэтому особенно важно разобратся в первых дипломатических акциях американского правительства и восстановить подлинную картину территориальных приобретений США в этот период.

* * *

В конце XVIII и начале XIX в. главные колониальные державы — Англия, Франция и Испания — были вовлечены в непрерывные войны, истощавшие их экономические и людские ресурсы. Практически эти европейские государства не могли уделить большого внимания Новому Свету. Американские рабовладельцы и буржуазия воспользовались подобной благоприятной ситуацией и повели борьбу за захват территорий, принадлежавших упомянутым державам и индейским племенам. Стремление к территориальной экспансии, сопровождавшейся грабительскими войнами и хищническим истреблением туземного населения, легло в основу внешней политики США уже с конца XVIII в.

Первоочередным объектом экспансии США стали испанские колонии в Америке. Один из руководителей внешней политики США Томас Джефферсон еще в 1786 г., будучи представителем США во Франции, в письме к своему другу Стюарту, плантатору из штата Виргиния, так определял задачи правящих кругов страны: «Наша конфедерация должна рассматриваться как гнездо, из которого вся Америка, Северная и Южная, должна быть заселена. Мы должны, в интересах всего великого континента, держать его сами, вырвав у испанцев. Эти страны не могут находиться в лучших руках, чем наши. Я боюсь, что испанцы слишком слабы, чтобы удерживать их до тех пор, пока подоспеет время нашего заселения, когда мы поглотим их (американские страны. — С. Г.) одну за другой»⁶. Таким образом, даже республиканец Джефферсон, с именем которого связано про-

² A. P. Whitaker. The United States and the Independence of Latin America. 1800—1830. Baltimore, 1941, p. VII.

³ D. Perkins. The Monroe Doctrine 1823—1826. London, 1927, p. 41.

⁴ S. F. Bemis. A Diplomatic History of the United States (Fourth Edition). New York, 1955.

⁵ S. F. Bemis. The Latin American Policy of the United States. New York, 1955, p. 22.

⁶ T. Jefferson. Memoirs, Correspondence and Private Papers in 4 vols. (далее — Jefferson's Works). London, 1829, vol. I, p. 435.

ведение ряда демократических, прогрессивных мероприятий внутри страны, выступал в области внешней политики за захват чужих территорий.

Исходя из расчетов, что испанские колонии так или иначе добьются своей независимости и сделают это до того, как США успеют должным образом подготовиться к установлению своего господства над Латинской Америкой, правительство США, не будучи еще в силах вступить в открытую борьбу за колонии, начало двойную игру с Испанией, заверяя ее в своих дружеских и мирных чувствах и готовясь в то же время к захвату в благоприятный момент принадлежавших ей территорий в Северной Америке.

27 октября 1795 г. в г. Сан-Лоренцо США заключили с Испанией договор о дружбе, границах, торговле и мореплавании, по которому обязались строго соблюдать установленные границы, проходившие в основном по р. Миссисипи. В то же время США получили право навигации по всей Миссисипи и беспопыточной торговли в Новом Орлеане. Договор предусматривал мирное урегулирование всевозможных споров между Испанией и США⁷.

Американский буржуазный историк Чэдвик признавал, что «этот договор предоставлял США все, что они могли просить, и больше, чем можно было надеяться»⁸. По мнению А. Уитекера, «договор в Сан-Лоренцо знаменует начало распада испанской монархии, а также первый этап территориальной экспансии Соединенных Штатов»⁹.

После обмена ратификационными грамотами 23 апреля 1796 г. договор вступил в силу. Однако уже в октябре 1800 г. США нарушили его. Группа американских агентов проникла на территорию Лос-Брасос (Мексика) с целью ее захвата. Эта попытка, однако, закончилась провалом, так как местные власти быстро расправились с авантюристами.

О подлинном отношении США к Испании в этот период можно судить и по некоторым заявлениям американского правительства. Так, в июле 1801 г., вскоре после своего вступления на пост президента, Джефферсон писал Клейборну, губернатору территории Миссисипи: «Что касается Испании, то наше к ней расположение искренне дружественное и даже нежное. Мы рассматриваем ее господство на прилегающих к нам территориях как наиболее благоприятное для наших интересов, и мы с глубокой болью отнесемся к переходу ее владений ко всякой другой стране»¹⁰. А в ноябре того же года в письме к видному государственному деятелю США Монро Джефферсон высказался уже следующим образом: «Хотя наши нынешние интересы могут сдерживать нас в пределах наших границ, невозможно не смотреть вперед, в далекое будущее, когда наше быстрое расширение выйдет за эти границы и охватит весь северный, а может быть, и южный континент»¹¹.

Приведенные высказывания главы американского правительства, сделанные им одно за другим, свидетельствуют о том, что США, во-первых, не желали допустить перехода испанских колоний в Америке к какой-либо другой европейской державе, а, во-вторых, готовились сами захватить часть территории этих колоний.

В 1802 г. американское правительство послало в страны Латинской Америки одного из своих специалистов по «испанским делам», капитана Уильяма Шелера, для выяснения обстановки и создания там проамериканских групп. Деятельность Шелера, прикрывавшегося маской борца за

⁷ M. G. del Campillo. Relaciones diplomaticas entre España y los Estados Unidos, vol. I. Madrid, 1944, p. 365.

⁸ F. E. Chadwick. The Relations of the United States and Spain, Diplomacy. New York, 1909, p. 37.

⁹ A. P. Whitaker. The Spanish-American Frontier: 1783—1795. Boston—New York, 1927, p. 201.

¹⁰ H. Adams. History of the United States of America (1800—1817), 9 vols. New York, 1891—1901, vol. I, p. 404.

¹¹ Jefferson's Works, vol. IV, p. 420.

независимость Латинской Америки, носила явно провокационный характер; он вмешивался во внутренние дела испанских колоний и вскоре был выслан из Чили. Вслед за Шелером в Латинскую Америку стали систематически засылаться неофициальные представители США.

В это же время Джеймс Монро отправился в Европу со специальным заданием договориться о покупке испанских территорий. Конкретно речь шла о приобретении Луизианы.

Луизиана — огромная и богатейшая территория, протянувшаяся более чем на полторы тысячи километров с севера на юг, — переходила в прошлом несколько раз от Франции к Испании и обратно. С 1762 г. она была в руках Испании, но в конце XVIII в. в ней, как и в самой Испании, усилилось влияние Наполеона, который мечтал, используя Луизиану и опираясь на Гаити, создать французскую империю в Америке.

Наполеон убеждал испанский двор, что, лишь передав Луизиану «дружественной» Франции, Испания сможет якобы спасти эту свою колонию от посягательств со стороны США и Англии. 3 августа 1800 г. французский посол в Мадриде Алкне вручил министру иностранных дел Испании Уркихо ноту, в которой говорилось: «Рост могущества и населения Америки и постоянно поддерживаемые ею связи с Англией могут и должны привести когда-нибудь эти два государства к совместному завоеванию испанских колоний... Поэтому испанский двор поступит мудро и вместе с тем совершит великий шаг, если он призовет французов защищать его колонии, уступив им Луизиану, вернув им этот форпост своих богатейших владений в Новом Свете»¹².

В конце 1800 г. Наполеон добился через послушного ему правителя Испании, фаворита испанской королевы Годоя, согласия испанского двора на передачу Луизианы Франции. Известие об этом вызвало сильное беспокойство и недовольство в США, потому что им было легче захватить Луизиану у слабой Испании, чем у победоносной в то время Франции. 18 апреля 1802 г. Джефферсон с тревогой писал своему посланнику в Париже Ливингстону: «Уступка Испанией Луизианы и Флорид Франции сильно отразится на Соединенных Штатах. Она совершенно меняет все политические связи Соединенных Штатов и составит новую эпоху в нашем политическом курсе... На земном шаре есть одно место, владелец которого является нашим естественным врагом. Это Нью-Орлеан, через который продукция $\frac{3}{8}$ нашей территории должна выходить на рынок»¹³.

Стремясь воспрепятствовать осуществлению франко-испанского соглашения о Луизиане, правительство США стало усиленно заигрывать с Наполеоном и подкупать его министров, но это не принесло желаемого результата.

В июле 1802 г. Наполеон дал указание своему новому послу в Мадриде Сиру ускорить оформление официального акта о передаче Луизианы Франции. 22 июля 1802 г. Сир вручил испанскому правительству ноту, в которой, в частности, было сказано: «По всему видно, что его католическое величество желает, чтобы Франция не продала или не уступила каким-нибудь образом Луизиану. В этом смысле желание Франции полностью совпадает с намерениями испанского правительства... Я уполномочен от имени первого консула заявить Вам, что Франция никогда никому не передаст эту территорию»¹⁴.

Хорошо, однако, известно, чего стоили подобные заверения Наполеона и его дипломатов. Потеряв в результате мощного восстания на Гаити этот остров и ввязавшись в европейские войны, Наполеон уже в 1803 г. отказался от своих прежних грандиозных замыслов в Америке и думал лишь о том, чтобы получить что-нибудь в обмен за Луизиану, которая,

¹² H. Adams. History..., vol. I, p. 366.

¹³ Jefferson's Works, vol. IV, p. 431—432.

¹⁴ F. E. Chadwick. The Relations..., p. 49—50.

однако, фактически оставалась еще в руках Испании. Поэтому, когда теперь США обратились к нему с просьбой продать данную территорию, Наполеон, нуждаясь в деньгах, с готовностью согласился на это.

Ускорить сделку с Наполеоном относительно Луизианы должен был Монро, специально для этого направившийся в Париж. Ему было поручено также попытаться получить согласие Франции и на другие территориальные приобретения США в Северной Америке. «Г-н Монро, — сообщил государственный секретарь США Мэдисон Ливингстону 18 января 1803 г., — везет с собой инструкции, по которым вы вместе будете вести переговоры. Цель переговоров будет состоять в том, чтобы добиться уступки Соединенным Штатам Нью-Орлеана и Флорид... для того, чтобы вовлечь французское правительство в это соглашение, определенная сумма денег явится составной частью наших предложений. К ней будет добавлено такое урегулирование торговли по р. Миссисипи и другим рекам, впадающим в Мексиканский залив, которое будет удовлетворительно для Франции»¹⁵.

30 апреля 1803 г., после непродолжительного торга между Монро и Ливингстоном, с одной стороны, и французскими министрами — иностранных дел Талейраном и финансов Марбуа, — с другой, в Париже был подписан договор, по которому Франция продала Луизиану США. Сделано это было втайне от Испании.

Лишь 19 дней спустя испанский посланник в Париже Асара узнал о совершившейся сделке и сообщил своему министру иностранных дел о том, что договор о продаже Луизианы уже отправлен в Америку для ратификации. Испанский двор послал Наполеону несколько резких нот с протестами против его сделки с США. Подобные же ноты с указанием на то, что Франция не имела права продавать Луизиану, были направлены из Мадрида и в США. Но как-либо реально воспрепятствовать осуществлению американо-французского договора Испания в то время не могла.

США спешили вступить во владение Луизианой. Посланник Испании в США Каса Ирухо доносил 5 ноября 1803 г. своему министру иностранных дел: «Говоря мне о желании сохранить мир и добрые отношения с Испанией, он (государственный секретарь США Мэдисон. — С. Г.) со всей ясностью дал в то же время понять, что если губернатор Луизианы не передаст эту провинцию... то у них нет времени вступать в переговоры по ту сторону Атлантики [с Испанией]. Он дал мне понять, что принудительные меры ограничатся вступлением [США] во владение своими правами (т. е. Луизианой. — С. Г.). Я, однако, повторяю и уверяю Вас в том, что если дело дойдет до такой крайности, то они также нападут и на Флориды (подчеркнуто мной. — С. Г.) и попытаются удержать их в качестве компенсации за ущерб, который мы им будто бы причинили, помешав их вступлению во владение провинцией, которая, по их словам, принадлежит им. Он [Мэдисон] тут же сказал мне, что Франция, узнав о недовольстве Испании, предложила им [США] гарантии»¹⁶.

Из донесения Каса Ирухо вытекают два неоспоримых факта: во-первых, уже в 1803 г. США были готовы при удобном случае попытаться захватить Флориду и, во-вторых, для своих экспансионистских целей они заручились в тот период французской поддержкой.

После двойного нажима — со стороны США и Франции — Испания отступила, и 30 ноября 1803 г. началась передача Луизианы французскому комиссару. Испанские представители обратились при этом к французскому уполномоченному Лоссэ с просьбой установить твердую границу между сохранившимися во владении Испании территориями и США.

Однако Лоссэ, по указанию своего правительства, отказался заниматься демаркацией границ. Несомненно, что это было сделано как по желанию

¹⁵ «A Digest of International Law» in 8 vols. Washington, 1906, vol. I, p. 436.

¹⁶ Н. Адамс. History..., vol. II, p. 97.

самого Наполеона, так и по просьбе США, стремившихся оставить за собой возможность в будущем давать различные толкования намеренным грабителям.

К востоку от Миссисипи Франция передала США остров и территорию Орлеана. У Испании осталось все, что находилось на востоке от линии, которая начиналась в пункте Маншак, шла по течению р. Ибервиле, проходила через озера Понтчактрип и Маурепас и исчезала в море. На испанской территории находились города Батон Руж, Билокси и Мобила. На Западе США была передана территория до Натчиточеса на р. Колорадо, причем под властью Испании остался пункт Насогдочес. Что касалось Северо-Востока, то там формально передача не была проведена, так как это была огромная безлюдная территория.

Интересно заметить, что договор о продаже Луизианы США был подписан 30 апреля 1803 г. А агент Наполеона Лоссэ «вступил» во владение Луизианой только 30 ноября 1803 г. (когда испанский губернатор Луизианы граф Каса Кальво передал колонию Франции), т. е. спустя семь месяцев после того, как Наполеон продал Луизиану США! Бывшая испанская колония принадлежала Франции всего 17 дней; 17 декабря 1803 г. представитель США Уильям Клейборн уже вступил во владение Луизианой.

Как пишет У. Фостер: «Когда в 1803 г. уполномоченные Соединенных Штатов вступили в переговоры с Наполеоном по поводу Луизианы, он, к их немалому удивлению, сразу согласился продать ее примерно за 15 миллионов долларов. Наполеон прекрасно понимал, что, будучи связан в Европе, он не сумеет оградить Луизиану от американских поселенцев, которые со свойственной им агрессивностью уже устремились через ее границы и селились на богатой, плодородной земле. Наполеону оставалось либо продать Луизиану, либо потерять ее. Он выбрал меньшее из двух зол и продал ее... Вся эта операция больше походила на грабеж, чем на покупку»¹⁷. Так США «купили» у Франции фактически не принадлежавшую ей территорию, размер которой равнялись приблизительно миллиону квадратных миль и составляли почти $\frac{1}{3}$ всей тогдашней площади США. Американский буржуазный историк Э. Ченнинг в свое время откровенно писал: «Совершенно ясно, что Наполеон не имел права продавать Луизиану ни законным, ни каким-либо другим образом... Наполеон продал нам Луизиану, и мы стали обладателями Луизианы просто и только потому, что Наполеон держал за горло испанскую монархию... Взяв Луизиану, мы стали соучастниками действий величайшего разбойника современной истории»¹⁸.

Наполеон так легко продал испанскую Луизиану еще и потому, что США гарантировали за это свой благожелательный нейтралитет в отношении Франции. Таким образом, США, воспользовавшись противоречиями и борьбой между европейскими державами, приобрели Луизиану фактически за бесценок, пообещав придерживаться в будущем благожелательного нейтралитета в отношении наполеоновской Франции.

Любопытно, что конституция США не предусматривала приобретения новой территории путем покупки. Президент Джефферсон вышел из сложного положения очень просто: он «забыл» о существовании конституции. Более того, в связи с обсуждением в конгрессе вопроса о Луизиане Джефферсон писал государственному секретарю США и своим друзьям: «Чем меньше мы будем говорить о конституционных затруднениях по поводу [приобретения] Луизианы, тем лучше, а то, что надо сделать для преодоления этих затруднений, должно быть сделано втихомолку»¹⁹.

Современные американские буржуазные историки пытаются обосновать захват Луизианы внешнеполитическими обстоятельствами. Так, С. Бэмис

¹⁷ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки, стр. 277—278.

¹⁸ E. Channing. The Jeffersonian System. New York — London, 1906, p. 79.

¹⁹ J. W. Foster. A Century of American Diplomacy 1776—1876. Boston — New York, 1900, p. 200.

утверждает, что якобы угроза перехода Луизианы в руки Великобритании заставила США «приобрести» эту территорию. «Если бы Луизиана, не говоря уже о Флоридах,— пишет он,— перешла к Великобритании, это означало бы полное окружение нашей страны, от реки св. Лаврентия до устья Миссисипи, этим государством, что привело бы к ликвидации [нашей] экспансии в будущем»²⁰.

Конечно, переход Луизианы в руки Великобритании был бы опасен и нежелателен для США: Великобритания укрепила бы свои позиции в Латинской Америке и могла попытаться восстановить свое господство над США. Однако все дело в том, что в рассматриваемый период у Великобритании не было возможности захватить силой или купить Луизиану.

В период приобретения Луизианы правительство США сделало все, чтобы нейтрализовать Великобританию. Как сообщал еще 7 марта 1801 г. в Англию британский поверенный в делах в США Торнтон, Джефферсон сказал ему следующее: «Больше всего я желаю успешно урегулировать все разногласия между нами и развивать самую сердечную гармонию и доброе взаимопонимание»²¹. 3 января 1803 г. Торнтон доносил министру иностранных дел Великобритании: «Я надеюсь, милорд, что, приняв некоторое участие в передаче Соединенным Штатам острова Нью-Орлеан, который нельзя будет защитить от них, если они решат применить силу, правительство его величества сможет в будущем еще больше привязать эту страну к нам и получить все возможные выгоды от связей с этой важной частью света»²².

Итак, Великобритания не только не собиралась сама захватывать Луизиану, но и, предвидя экспансионистские устремления США, стремилась использовать их в своих целях. Англо-американские отношения обострились лишь после того, как США купили Луизиану. В Великобритании поняли, что произошло франко-американское сближение, направленное против ее интересов. Приехавший в Лондон 18 июля 1803 г. в качестве посланника Д. Монро убедился, что его пребывание здесь бесцельно, ибо почвы для соглашения между США и Англией в тот момент не было, и уехал в Париж, а затем в Мадрид. С 8 октября 1804 г. по 23 июля 1805 г. представительство США в Лондоне возглавлял секретарь миссии Энвинг.

Таким образом, положение и политика Франции, Великобритании и Испании в общем благоприятствовали развращению в начале XIX в. наступлению США на прилегающие к ним с Запада и Юга территории. Правящие круги США поспешили извлечь для себя выгоду из противоречий между европейскими державами. Об этом с полной откровенностью писал американский буржуазный историк Дж. Фостер: «Он (Джефферсон.— С. Г.) обнаружил, что состояние европейской политики представляло редкую возможность для американской экспансии, и он не колеблясь воспользовался этой возможностью»²³.

Стремление господствующих классов США — плантаторов-рабовладельцев и капиталистов — к территориальным захватам, ярко проявившееся в покупке Луизианы, имело исключительное значение для всей дальнейшей истории страны. Как откровенно писал в связи со столетием «присоединения» Луизианы Дж. Фостер: «Оно сделало приобретение Флориды необходимостью. Оно привело к аннексии Техаса, к мексиканской войне, к погоне за новыми рабовладельческими территориями для сохранения баланса силы, к Гражданской войне и к запрещению рабства. Оно привело к нашим тихоокеанским приобретениям, к строительству трансконтинентальных железных дорог, к требованию иметь канал через перешеек, к покупке Аляски, к аннексии Гавайских островов. Оно открыло

²⁰ S. F. Bemis. The Latin American Policy of the United States. p. 19.

²¹ H. Adams. History..., vol. II, p. 343.

²² Ibid., p. 349—350.

²³ J. W. Foster. A Century..., p. 204.

нам великие торговые возможности за пределами Тихого океана в Японии, Китае и на островах. Оно утвердило нашу судьбу в качестве великой мировой державы, результаты чего мы начинаем ощущать сегодня»²⁴.

«Покупка» Луизианы вызвала длительные дебаты в конгрессе США. Если отбросить демагогическую оболочку многочисленных речей, то можно убедиться, что все выступавшие в конгрессе сходились на том, что правительство США имеет право покупать или захватывать чужую территорию. Разногласия же в основном сводились к вопросу: кто должен управлять приобретенной территорией — центральное правительство или отдельные штаты²⁵. Таким образом, дебаты в конгрессе США ясно показали, что когда дело шло о приобретении чужой территории, то как республиканцы, так и федералисты, как члены правительства, так и «непримиримые» партийные лидеры всегда приходили к соглашению.

После приобретения Луизианы Джефферсон сразу же занялся разработкой плана дальнейшей экспансии США. Прежде всего он намечал захватить Западную Флориду. Уже 12 августа 1803 г. президент писал сенатору Брекинриджу: «У нас есть некоторые претензии насчет расширения по побережью на запад до Рио-Норте или Браво, а еще лучше на восток до Рио-Пердидо, между Мобилом и Пенсаколой, древней границей Луизианы. Эти претензии явятся предметом переговоров с Испанией. И если, как только она окажется в войне, мы решительно будем настаивать на этих требованиях, с одной стороны, а с другой — выдержим цену, то мы наверняка довольно быстро приобретем Флориду»²⁶. Таким образом, замысел Джефферсона состоял теперь в том, чтобы, используя вовлечение Испании в войну между Францией и Англией и предъявив ей надуманные претензии, попробовать захватить Флориду.

Одновременно американские дипломаты стали распространять версию о том, что Западная Флорида входила будто бы в Луизиану и, следовательно, США купили и ее. Об этом заявил посланник США в Париже: «Испания отдала Западную Флориду, не зная этого; Франция продала ее США, не подозревая об этом; а США приобрели ее, не уплатив. И ни Франция, ни Испания, являвшиеся первоначальными договаривающимися сторонами, некомпетентны решать вопрос о действительном значении своего собственного договора»²⁷.

Это была совершенная нелепость. На самом деле действительные границы Луизианы были хорошо известны всем. В инструкциях морского министра Франции Декре, посланных Лоссэ, который должен был передать США Луизиану, ее границы были определены следующим образом: «на западе до Рио-Браво (Рио-Гранде), от ее устья до 30 параллели»²⁸.

Если границы Луизианы простирались от Ибервиле до Рио-Гранде, то границы Западной Флориды проходили от Ибервиле до Аппалачиколы. Именно таким образом были установлены границы договором 1763 г., по которому все эти территории отошли к Испании. «Так как она [Западная Флорида] является испанским владением..., — писал американский буржуазный историк Г. Адамс, — то вопрос о ее передаче не мог обсуждаться первым консулом»²⁹. «В действительности, — отмечал он далее, — Западная Флорида не принадлежала Луизиане ни как испанская, ни как американская провинция и не могла рассматриваться как таковая»³⁰.

И США и Франция сами прекрасно понимали, что Флориды не входят в Луизиану и не покупаются вместе с ней. Это видно, в частности, и из до-

²⁴ Ibidem.

²⁵ «Annals of the Congress of the United States», 8th Congress, October 17, 1803—March 3, 1805. Washington, 1852, p. 35—73, 432—515.

²⁶ H. Adams. History..., vol. II, p. 248.

²⁷ F. E. Chadwick. The Relations..., p. 68.

²⁸ Ibidem.

²⁹ H. Adams. History..., vol. II, p. 7.

³⁰ Ibid., vol. V, p. 322—323.

несения Ливингстона Мэдисону от 13 апреля 1803 г. по поводу его беседы с Марбуа: «Я спросил его о том,— писал Ливингстон,— получим ли мы в случае, если состоится покупка [Луизианы], гарантию того, что Франция никогда не будет владеть Флоридами, что она будет помогать нам приобрести их и откажется от всех прав, которые она могла иметь на них. Он ответил, что согласен на это»³¹. Несколько дней спустя Марбуа подтвердил это обещание и заявил, что Наполеон уполномочил его, кроме продажи Луизианы, «оказать поддержку» американским «требованиям на Флориды»³².

Подготавливая захват Флорид, Джефферсон инспирировал в ноябре 1803 г. принятие конгрессом закона о налогах на вновь приобретаемой территории. § 4 этого закона устанавливал, что полученные США земли, «а также все судоходные воды, реки, бухты, заливы и проливы, лежащие на территории Соединенных Штатов (подчеркнуто мной.— С. Г.) и впадающие в Мексиканский залив восточнее р. Миссисипи, будут присоединены к району Миссисипи и вместе с ней составят один район, который будет называться районом Миссисипи». § 11 уполномочивал президента, «когда он сочтет это необходимым, превратить берега, воды и выходы залива и р. Мобиле и других рек, бухт, заливов и проливов, впадающих в Мексиканский залив восточнее упомянутой р. Мобиле и западнее Паскатула, в отдельный район и установить в его пределах места, которые он предназначит для портов»³³.

Текст этого закона ярко свидетельствовал о том, что США собираются в ближайшем будущем захватить новые большие участки не принадлежавших им земель, ибо в момент его принятия на территории США не было ни рек, ни проливов, которые впадали бы в Мексиканский залив.

Опубликование закона о налогах на вновь приобретенной территории вызвало протест со стороны испанского посланника в США Каса Ирухо. Испанское правительство заявило, что оно не ратифицирует конвенцию 1802 г. об урегулировании американских претензий за якобы понесенный США ущерб до тех пор, пока они не отменят упомянутый закон. 30 мая 1804 г. президент США вынужден был видоизменить формулировку закона о реках «на территории США», изложив ее в завуалированном виде³⁴.

Однако эта временная неудача не остановила правительство США. Оно решило оказать новый нажим на Испанию с тем, чтобы добиться от нее признания «прав» США на Западную Флориду. В октябре 1804 г. Монро, выполнявший наиболее ответственные дипломатические задания правительства США, получил приказ отбыть в Европу и добиться там во что бы то ни стало приобретения Западной Флориды.

2 января 1805 г. Монро прибыл в Мадрид, а 28 января 1805 г. вручил испанскому министру иностранных дел Севаллосу ноту, в которой предлагал урегулировать все нерешенные вопросы, а именно: 1) о взаимном ущербе, нанесенном сторонами друг другу; 2) об ущербе, понесенном американскими гражданами у испанских берегов от действий французских корсаров; 3) о демаркации восточных и западных границ Луизианы³⁵.

По первому пункту Испания была готова пойти на уступки США, что же касается второго, то абсурдность его была очевидна. США стремились получить компенсацию за ущерб, причиненный им... Францией. Однако наиболее серьезным был третий вопрос — о границах Луизианы. Американские дипломаты настаивали на том, что восточная граница Луизианы проходит будто бы по р. Пердидо, т. е. захватывая, таким образом, всю Западную Флориду, а западная — по р. Браво, включая, таким об-

³¹ H. Adams. History..., vol. II, p. 44.

³² Ibidem.

³³ «Annals of the Congress of the United States», 8th Congress. p. 1257—1258.

³⁴ Ibidem.

³⁵ F. E. Chadwick. The Relations..., p. 81.

разом, в Луизиану Техас и другие территории Мексики (Новой Испании).

Подобные претензии США были совершенно необоснованны и абсурдны. Выдвигая их, американские дипломаты «забыли» такой важный документ, как договор с Испанией 1795 г., а ведь в статье 2 этого договора можно было прочесть о границе Соединенных Штатов, «отделяющей их территорию от территории испанских колоний Западной Флориды и Восточной Флориды» (подчеркнуто мной.— С. Г.)³⁶. Таким образом, если в 1795 г. для США существовали две Флориды и Луизиана, то теперь они утверждали, что существует лишь одна Луизиана, правда, включающая в себя обе Флориды!

Касаясь предложений Монро в целом, Г. Адамс справедливо замечает: «Это была односторонняя схема, ибо она требовала от Испании уступок по всем вопросам и не предлагала какой-либо равноценной компенсации, достойной упоминания»³⁷. Несмотря на это, Севаллос в своем ответе Монро от 31 января 1805 г. предложил подробно и спокойно разобраться во всех вопросах. Но американский дипломат отвечал на все примирительные предложения Севаллоса ультиматумом. 12 мая 1805 г. Монро заявил: если Испания уступит Флориды, ратифицирует конвенцию 1802 г. и согласится с тем, что р. Колорадо будет границей Техаса, то США установят стомильную нейтральную территорию на восточном берегу Колорадо от залива до северной границы Луизианы и не будут настаивать на том, что Западная Флорида была частью Луизианы³⁸.

Три дня спустя Севаллос ответил и на этот ультиматум Монро вежливым отказом. Он писал: «Справедливость американского правительства не позволит ему настаивать на предложении, совершенно противоречащем интересам Испании, и как бы его величество ни стремилось угодить Соединенным Штатам, оно не может согласиться на эти требования, оно не может рассматривать их иначе как несовместимыми с правами его короны»³⁹.

18 мая 1805 г. Монро потребовал свои паспорта. Севаллос вручил их ему на другой же день. Таким образом, миссия Монро в Испании полностью провалилась; несмотря на оказанный дипломатический нажим и шантаж, США не удалось получить согласия Испании на передачу им Флорид. Вступать же из-за этих территорий в вооруженный конфликт с Испанией один на один США в тот момент не решились.

Некоторые американские министры открыто выражали свое недовольство провалом переговоров с Испанией и внешней политикой США в целом. «Лучше подождать более подходящего случая,— заявил министр финансов Галлатен,— прежде чем мы вновь рискуем принизить наш национальный авторитет претензиями, которые в данный момент мы не сможем подкрепить силой»⁴⁰. Это очень любопытное заявление, поддержанное полностью и морским министром Смитом, свидетельствовало о том, что США вынуждены были в начале 1805 г. временно отказаться от захвата Западной Флориды лишь из-за отсутствия необходимых сил и условий для этого. Именно поэтому вопрос о присоединении Флорид к США отошел тогда ненадолго на задний план и выдвинулся вновь после того, как американский флот был значительно укреплен.

Не решившись пойти на открытый захват Западной Флориды, осторожный Джефферсон стал обдумывать возможность достигнуть своих целей с помощью союза с Англией. В связи с этим он писал государственным

³⁶ «Treaties, Conventions, International Acts, Protocols and Agreements between the United States of America and Other Powers» in 3 vols. Washington, 1910, vol. II, p. 1640.

³⁷ H. Adams. History..., vol. III, p. 23—24.

³⁸ Ibid., p. 35.

³⁹ Ibid., p. 36.

⁴⁰ Ibid., p. 66.

ному секретарю Мэдисону: «Предварительно договорившись о союзе с Англией для самоохраны в случае неблагоприятного течения событий, я предложу конгрессу принять акты, уполномочивающие правительство: 1) прервать по своему усмотрению отношения с Испанией; 2) изгнать Испанию из района между Миссисипи и Браво; 3) назначить уполномоченных для рассмотрения и урегулирования всех требований по возмещению ущерба»⁴¹.

Но союз с Великобританией оказался невозможен. Американские каперы, пользуясь нейтралитетом США по отношению к воюющим европейским странам, торговали повсюду: в Европе, в Африке и в Латинской Америке. В то же время Англия, вовлеченная в тяжёлую и длительную войну с Францией, теряла свои торговые связи, охраняемые ее господством на море. Американская конкуренция становилась в связи с этим для Англии довольно ощутимой. Поэтому 23 июля 1805 г., в тот самый день, когда Монро прибыл из Мадрида в Лондон, английское правительство приняло решительные меры против «контрабандной» торговли и стало задерживать американские суда.

Тогда американская дипломатия решила вновь попытаться использовать Наполеона и его продажного министра иностранных дел Талейрана. Учитывая постоянную, в связи с непрерывными войнами, нужду Наполеона в деньгах, которые могла дать ему Испания, торгуя принадлежащими ей территориями, американский посланник в Париже генерал Армстронг неоднократно предлагал Талейрану различные варианты покупки США через посредство Франции испанских владений в Северной Америке. При этом США гарантировали Наполеону свободу рук в Латинской Америке и поддержку в Европе⁴².

В конце августа 1805 г. Талейран передал Армстронгу написанную им, но не подписанную записку, в которой рекомендовал США запугать Испанию и заставить ее попросить у Франции еще раз оказать ей «добрые услуги». Талейран предложил заключить сделку на следующих условиях: Франция и Испания будут иметь одинаковые торговые привилегии как во Флориде, так и в Луизиане; граница должна проходить по р. Колорадо и далее на север, включая все реки, впадающие в Миссисипи, причем будет установлена навечно 30-мильная нейтральная зона. США должны заплатить Испании 10 млн. долл.⁴³

Получив предложения Талейрана, Армстронг обратился в Вашингтон за консультацией. 12 ноября 1805 г. Джефферсон созвал специальное заседание правительства, на котором рассматривался испанский вопрос. В собственноручной записи итогов совещания Джефферсон писал: «В связи с тем, что расширение войны в Европе не угрожает нам в настоящем мире (подчеркнуто мной.— С. Г.) и лишает нас возможности найти союзника, я предложил обратиться к Франции, информируя ее о том, что это последняя попытка мирного урегулирования с Испанией, и предложить Франции или через нее: 1) деньги [Франции] за права, которые имеет Испания восточнее Ибервиле, т. е. за права на Флориду; 2) уступку Испании части Луизианы от Рио-Браво до Гваделупы; 3) оплату Испании в течение определенного срока ущерба, нанесенного ее судами»⁴⁴. Первое предложение устраивало Францию, которой Испания была должна за субсидии; второе предложение успокаивало Испанию; наконец, третье предложение было сделано для того, чтобы удовлетворить американских купцов. Эти предложения Джефферсона были приняты единогласно, и правительство выделило на покупку Флорид 5 млн. долл. Неделию спустя США решили полностью принять предложения Талейрана.

⁴¹ Jefferson's Works, vol. IV, p. 587.

⁴² F. E. Chadwick. The Relations..., p. 81—84.

⁴³ Ibid., p. 93—94.

⁴⁴ H. Adams. History..., vol. III, p. 78.

В послании президента Джефферсона конгрессу от 3 декабря 1805 г. говорилось: «Наши переговоры с Испанией об урегулировании разногласий не привели к удовлетворительному решению». Сославшись на серьезность положения, президент заявил далее: «Я не могу не рекомендовать меры, диктуемые обстоятельствами. Первая наша цель состоит в том, чтобы обезопасить от нападения наши морские порты. Уже приняты меры для обеспечения их тяжелыми орудиями»⁴⁵. Угрожающий тон послания нужен был Джефферсону главным образом для того, чтобы заставить конгресс согласиться на ассигнование необходимых сумм для уплаты Наполеону за новые территориальные приобретения США.

6 декабря 1805 г. Джефферсон представил конгрессу секретное послание, в котором, в частности, говорилось: «Нынешний кризис в Европе благоприятствует такому урегулированию (французский план продажи Флорид.— *С. Г.*) и ни минуты нельзя упускать, чтобы не использовать эти обстоятельства. Если мы ими не воспользуемся, то наше положение станет значительно труднее. Формально война не нужна; маловероятно, что она последует, но защита наших граждан, дух и честь нашей страны требуют применения силы в определенных масштабах. Это, вероятно, будет содействовать достижению целей мира»⁴⁶.

После некоторой оппозиции американский конгресс выделил президенту необходимые для сделки с Францией деньги. Затем по просьбе Наполеона Джефферсон добился от конгресса запрета на американскую торговлю с Сан-Доминго, хотя это наносило большой ущерб США⁴⁷. «Увлеченный идеей о том, что он должен захватить Флориду любой ценой,— пишет Чэдвик,— Джефферсон в своей интриге с Наполеоном заглушил сознание, отбросил конституционные преграды... Он был готов ограбить Испанию, выплачивая деньги ее поработителю»⁴⁸. Не без оснований французский посланник в Вашингтоне Торро доносил Талейрану, что США «готовы пойти на любое унижение при условии, что оно может обеспечить... их проекты захвата Флорид»⁴⁹.

Однако новый вариант приобретения Флорид также не удался, главным образом по двум причинам: во-первых, Англия и Россия выступили против намечаемой сделки; во-вторых, победы Наполеона в Центральной Европе несколько ослабили его нужду в деньгах.

Только события, развернувшиеся после вторжения Наполеона на Иберийский полуостров, дали возможность правительству США форсировать аннексию Флорид. В письме военному министру Генри Диаборну 12 августа 1808 г. Джефферсон снова предложил использовать в интересах американских экспансионистов создавшуюся в Европе обстановку: «Если Англия будет заодно с нами, пока Бонапарт продолжает войну с Испанией.— писал он,— то может наступить момент, когда мы окажемся в состоянии без опасения столкнуться с Францией или Англией, захватить Луизиану по праву и остатки Флорид в виде репрессии за конфискацию судов и имущества»⁵⁰.

Одновременно США попытались извлечь для себя выгоду из успехов национально-освободительного движения в испанских колониях в Америке. 22 октября 1808 г. Джефферсон уполномочил агентов США неофициально заявить от имени американского правительства влиятельным лицам на Кубе и в Мексике: «Если вы решите провозгласить независимость, то сейчас мы не можем связать себя заявлением о том, что мы поддержим вас. Мы должны будем поступать в соответствии с обстоятель-

⁴⁵ «Annals of the Congress of the United States», 9th Congress, December 2, 1805—March 3, 1807. Washington, 1852, p. 13.

⁴⁶ Ibid., p. 19.

⁴⁷ Ibid., p. 75.

⁴⁸ F. E. Chadwick. The Relations..., p. 104.

⁴⁹ H. Adams. History..., vol. IV, p. 141.

⁵⁰ Ibid., p. 339—340.

ствами, но в своих действиях мы будем исходить из дружбы к вам, из глубокого убеждения в том, что наши интересы тесно связаны и что нам было бы тяжело видеть вас в подчинении у Франции либо у Англии как в политическом, так и в экономическом отношениях»⁵¹.

Неделю спустя Джефферсон еще более ясно изложил позицию США в инструкциях губернатору Луизианы Клейборну: «Если они (испанские патриоты.— С. Г.) добьются успеха (в сопротивлении Наполеону.— С. Г.), то мы будем удовлетворены, видя Кубу и Мексику в их нынешнем зависимом положении, но мы не согласимся видеть их зависимыми от Франции или Англии в политическом или экономическом отношении. Мы считаем их интересы своими собственными интересами, и наша общая цель должна состоять в том, чтобы устранить всякое европейское влияние из этого полушария»⁵².

Таким образом, в октябре 1808 г. Джефферсон четко сформулировал основы внешнеполитического курса своей страны. Эти основы заключались в следующем:

США должны выступать за сохранение испанского колониального гнета на Кубе и в Мексике до тех пор, пока они сами не смогут захватить эти страны.

Для их интересов необходимо изолировать обе Америки как от вмешательства ведущих европейских держав, так и от общедемократического буржуазного движения в Европе.

Наконец, США должны рассматривать все Западное полушарие как свою исключительную сферу влияния.

США боялись и не хотели допустить подлинной независимости испанских колоний, ибо они сами стремились к территориальным захватам и к усилению своего влияния в Западном полушарии. Выступая при обсуждении вопросов внешней политики США в американском конгрессе, член палаты представителей от штата Нью-Йорк Барент Гарденер в своих речах 12 и 13 декабря 1808 г. говорил, что если Наполеон завоюет Испанию, то испанские колонии в Америке сразу приобретут независимость и в случае пассивной и негибкой позиции американского правительства новые государства станут сердечными союзниками Великобритании. «В их лице,— заявил Гарденер,— мы будем иметь враждебных и опасных соседей, в то время как Великобритания монополизировала их торговлю, и если наши нынешние затруднения продолжатся, то она будет постоянно подстрекать их к враждебным действиям против нас. Всего этого можно было бы избежать, если бы только в отношениях с Испанией наше правительство проводило правильную линию. Купцы просили разрешить им возобновить торговлю с Испанией, но их не слушали. Готовая принести нам вред Великобритания может использовать для этого на нашем континенте испанцев... Сейчас, может быть, еще не слишком поздно извлечь выгоды, упущенные администрацией. Перемена поведения может вернуть нам симпатии и дружбу (Испанской Америки.— С. Г.), которые были без нужды потеряны»⁵³.

В развернувшейся после вторжения Наполеона в Испанию борьбе между США, Англией и Францией за влияние в испанских колониях в Америке все ее участники вынуждены были считаться с ростом в них сил национально-освободительного движения.

Выступая 12 декабря 1809 г. перед законодательным корпусом, Наполеон заявил: «Император никогда не будет мешать независимости континентальных стран Америки. Их независимость диктуется естественным ходом событий. Это справедливо и соответствует интересам всех наций...

⁵¹ A. P. Whitaker. The United States and the Independence of Latin America, p. 42.

⁵² H. Adams. History..., vol. IV, p. 340—341.

⁵³ «Annals of the Congress of the United States», 10th Congress, 2nd Session. Washington, 1853, p. 848—849.

Если народ Мексики и Перу пожелает остаться объединенным с матерью-родиной или если он захочет подняться на высоту благородной независимости, то Франция никогда не помешает его желанию при условии, что этот народ не вступит ни в какие связи с Англией»⁵⁴.

Для Великобритании, так же как и для США, вторжение Наполеона в Испанию открыло блестящие перспективы. Из злейшего врага Бурбонов Великобритания превратилась в их лучшего друга. С большим искусством она стала играть двуличную роль — как союзника испанской монархии, так и защитника восставших колоний Испанской Америки.

Используя свои «дружеские» отношения с испанскими колониями в Новом Свете, Великобритания стремилась укрепить здесь свои экономические позиции и усилить свое влияние. В этом она достигла значительных успехов. В 1810 г. Великобритания заключила договор с Бразилией, по которому получила огромные привилегии. Так, если все страны, ввозившие товары в Бразилию, платили тарифную пошлину, составлявшую 24% их стоимости, то для Великобритании эта пошлина была установлена в размере 15%. Английские граждане в силу договора 1810 г. оказались неподсудны местным судам⁵⁵. Таким образом, Великобритания основательно укрепилась в Бразилии, получив там фактически режим турецких капитуляций.

Ведя упорную борьбу с усилением влияния европейских держав в Западном полушарии, США не ограничивались расширением торговли и своих связей с соседними территориями, а предпринимали все новые попытки захватить их и присоединить к себе.

В 1810—1812 гг. США осуществили, наконец, захват Западной Флориды, применив впервые прием, который значительно позже был назван «гавайским». Уже начиная с 1806 г. США создавали в Западной Флориде разветвленную агентурную сеть. В июне 1807 г. американский генерал Джеймс Вилкинсон получил из Нью-Орлеана (вероятнее всего от губернатора Клейборна) письмо, в котором прямо указывалось, что все подготовлено для захвата Западной Флориды и что наступает пора действовать⁵⁶.

Когда сведения об экспансионистских планах США дошли до Франции и встревожили ее, Мэдисон (ставший с марта 1809 г. президентом) следующим образом информировал французского посланника в США Торро через министра финансов Галлатена о позиции США: «Мы действительно не интересуемся всем тем, что происходит во Флоридах, Мексике, а также на Кубе. Вы ошибаетесь, если считаете, что г-н Мэдисон желает овладеть Флоридами. Это была любимая тема г-на Джефферсона... но это никогда не было желанием правительства, и г-н Мэдисон изучает сегодня вопрос о захвате Флорид лишь постольку, поскольку этот акт можно рассматривать как неизбежный для того, чтобы избежать взаимного непонимания с Испанией и обеспечить выход продукции наших южных штатов. Мы не принимали участия в собраниях, происходивших во Флоридах»⁵⁷.

Цель заявления Мэдисона на самом деле состояла в том, чтобы дезинформировать французское правительство, ибо именно в тот самый момент, когда составлялось это заявление США вели усиленную подготовку к захвату Западной Флориды. «Судя по нынешнему положению вещей, — говорилось в инструкциях государственного секретаря Смита от 13 июня 1810 г. посланнику США в Великобритании Пипкнею, — приближается кризис, который не может не разорвать колониальные связи Испанской Америки с метрополией. Поэтому США должны обратить свое особое внимание на две Флориды, в судьбе которых они так заинтересованы.

⁵⁴ W. S. Robertson. France and Latin-American Independence. Baltimore, 1939, p. 73.

⁵⁵ A. P. Whitaker. The United States and the Independence of Latin America, p. 77.

⁵⁶ H. Adams. History..., vol. V, p. 37.

⁵⁷ Ibid., p. 38.

Не говоря уже о географическом факторе, США считают, что они имеют законное право на большую часть Западной Флориды на основании покупки, в соответствии с конвенцией с Францией от 1803 г. У них есть претензии и другого рода, которые будут более чем удовлетворены покупкой остатков Западной и всей Восточной Флориды»⁵⁸.

В 1810 г. вызванный в Вашингтон Клейборн получил от Мэдисона задание совершить интервенцию в Западную Флориду. По указанию Мэдисона, Клейборн написал 14 июня 1810 г. своим подчиненным, что, ввиду перспективы завоевания независимости южноамериканскими колониями Испании, Западная Флорида также должна подготовиться к тому, чтобы воспользоваться удобным случаем и стать «свободной». Он рекомендовал организовать в ней восстание населения, ибо «природа повелела Флориде объединиться с Соединенными Штатами, а благополучие ее граждан требует этого»⁵⁹. Одновременно губернатору территории Миссисипи Холмсу было дано указание держать войска наготове и в случае внутренних беспорядков в Западной Флориде защищать интересы США «любыми средствами, имеющимися в его распоряжении»⁶⁰.

1 июля 1810 г. подстрекаемые американскими агентами жители наиболее населенной части Западной Флориды Фелисианы устроили митинг в знак своего недовольства испанскими властями. Подобные же митинги были организованы и в других районах Западной Флориды. В конце июля собрался конвент жителей Западной Флориды, потребовавший ее присоединения к США. На заседании конвента 13 августа 1810 г. официально присутствовал представитель США полковник Бейкер. 23 сентября США «под предлогом воспрепятствовать распространению революционной заразы высадили войска для оккупации территории, которую они затем имели наглость присоединить к США торжественным актом конгресса»⁶¹. 26 сентября 1810 г. конвент провозгласил независимость Западной Флориды. В тот же день «повстанцы» захватили Батон-Руж (порт на левом берегу р. Миссисипи).

После захвата Батон-Ружа глава «повстанцев» Джон Роа обратился в Вашингтон с просьбой принять Западную Флориду в состав США. В ответ на это обращение президент США Мэдисон издал 27 октября 1810 г. прокламацию о присоединении Западной Флориды к США⁶². Подкупленный американцами испанский губернатор Западной Флориды Виценте Фолч тут же сообщил, что он готов передать им эту территорию. В первых числах декабря 1810 г. американские губернаторы Клейборн и Холмс осуществили вооруженную оккупацию Западной Флориды, и уже 10 декабря «республика» Западная Флорида прекратила свое существование.

3 января 1811 г. президент США направил конгрессу секретное послание, в котором указывал: «Я рекомендую... ввиду необходимости, разрешить правительству вступить во временное владение любой частью или частями указанной территории (речь идет о Западной Флориде.— С. Г.) в связи с урегулированием, которого могут пожелать испанские власти... Вместе с тем сам конгресс решит вопрос о срочности нашего вступления во владение в случае претензий испанских властей на указанную территорию или опасности захвата ее любой иностранной державой»⁶³.

⁵⁸ «Diplomatic Correspondence of the United States Concerning the Independence of the Latin-American Nations», vol. I. New York, 1925, p. 5.

⁵⁹ H. A d a m s. History..., vol. V, p. 38.

⁶⁰ I. J. C o x. The American Intervention in West Florida.— «The American Historical Review», vol. XVII, January 1912, № 2, p. 298.

⁶¹ J. M. T o r n e l. Tejas y los Estados-Unidos de América en sus relaciones con la Republica Mexicana. Mexico, 1837, p. 13.

⁶² H. A d a m s. History..., vol. V, p. 313.

⁶³ «Annals of the Congress of the United States», 11th Congress, 3rd Session. Washington, 1853, p. 370.

15 января 1811 года состоялось секретное заседание конгресса, на котором был принят акт, уполномочивавший президента захватить Восточную Флориду, в случае если местные власти согласятся на это или какое-либо иностранное государство попытается захватить ее⁶⁴.

Президент тут же поручил двум своим уполномоченным — Джорджу Мэтьюсу и Джону Макки осуществить захват Восточной Флориды. 3 августа 1811 г. Мэтьюс секретно сообщил государственному секретарю Монро: «Я установил, что мирное овладение Восточной Флоридой не может быть достигнуто путем переговоров с властями, действующими там... жители провинции созрели для революции. Однако они не способны провести успешную революцию без внешней помощи. Если бы 200 винтовок и 50 сабель были в их распоряжении, я уверен, они начали бы предприятие с благоприятной перспективой на успех»⁶⁵. Таким образом, и «революция» в Восточной Флориде также была запланирована и подготовлена в государственном департаменте США.

16 марта 1812 г. около 200 американских «повстанцев» пересекли р. Сант-Мэри, высадились на о. Амелия и предложили гарнизону г. Фернандина, расположенного на острове, сдаться. Одновременно американские военные корабли, находившиеся в этих водах, заняли позицию, удобную для наблюдения за происходившими событиями. Испанский комендант послал узнать, собираются ли американские военные корабли помогать мятежникам, и, получив утвердительный ответ, кашитулировал перед так называемыми «патриотами». «Независимость» была провозглашена, и «повстанцы» пригласили генерала Мэтьюса занять о. Амелию, что тот и сделал. Правительство США не одобрило официально действия своего уполномоченного Мэтьюса. Монро даже послал 10 апреля 1812 г. губернатору штата Джорджия приказ заменить его, но, как замечает Г. Адамс, «этот приказ был издан только для публички и не предназначался для выполнения»⁶⁶.

Здесь следует отметить следующее. В связи с надвигавшейся в этот период войной с Англией 1812—1814 гг. американский конгресс принял ряд актов, которые не получили широкой общественной огласки, а между тем они имеют очень важное значение. Так, актом от 8 апреля 1812 г. конгресс принял в члены Союза штат Луизиану. Актом от 14 апреля 1812 г. Западная Флорида была разделена пополам по р. Перл-Ривер, и ее западная часть аннексирована, а восточная на основании декрета от 14 мая того же года вошла в территорию Миссисипи. Эти акты конгресса США интересны в том отношении, что когда в 1819 г. был заключен новый договор между США и Испанией, то в нем была следующая статья: «Его католическое величество уступает Соединенным Штатам в полное владение все принадлежащие ему территории, расположенные на восток от Миссисипи и известные под названием Восточной и Западной Флорид»⁶⁷. Но ведь если судить по принятым семь лет назад решениям американского конгресса, то эта территория уже давно принадлежала не Испании, а США! Наименование в договоре 1819 г. территории Западной Флориды как принадлежавшей Испании показывает внешнеполитический авантюризм конгресса и правительства США, принимавших в одностороннем порядке решения, требующие предварительного пересмотра международных договоров.

26 июня 1812 г., т. е. через несколько дней после объявления войны Англии, конгресс США на своем очередном секретном заседании уполномочил президента не уводить американские войска, а, наоборот, расши-

⁶⁴ Ibid., p. 374—376.

⁶⁵ H. Adams. History..., vol. VI, p. 239.

⁶⁶ Ibid., p. 242.

⁶⁷ «Treaties...», vol. II, p. 1651.

рить американское господство над всей территорией Восточной и Западной Флориды и учредить там американскую администрацию⁶⁸.

17 июня 1813 г. под предлогом защиты от «индейских набегов» североамериканские войска штурмом захватили форт Мовила. Пять лет спустя американский генерал Джексон под тем же предлогом вырезал героически оборонявшиеся индейские племена и захватил остальную часть Восточной Флориды.

Небезынтересно отметить, что Джефферсон еще в 1791 г. советовал президенту Вашингтону применить следующий способ для захвата Восточной Флориды: «Я хотел бы, чтобы сто тысяч наших граждан воспользовались приглашением (речь идет о заявлении испанского губернатора Восточной Флориды Кесада, приглашавшего иностранцев заселять территорию Флориды.— С. Г.). Это могло бы стать средством мирной передачи нам того, что в противном случае придется добывать путем войны»⁶⁹. Подобное заявление Джефферсона помогает лучше понять методы, использовавшиеся американской дипломатией для достижения своих целей. Оно свидетельствовало о том, что уже в конце XVIII в. в США разрабатывали один из видов так называемых «мирных» захватов чужой территории. Именно в этом заключался план «американизации» Флориды Джефферсона.

В связи с захватом Западной Флориды государственный секретарь Смит писал посланнику США в Париже Армстронгу (для передачи французскому правительству): «Недавние действия, предпринятые жителями Западной Флориды, показали полностью, что испанские власти свергнуты и что там господствует полная неразбериха и полная неопределенность в отношении того, что затем может произойти, если события будут развиваться по воле революционного движения. Поэтому президент вынужден был для поддержания справедливых прав Союза предпринять необходимые меры по оккупации Западной Флориды до реки Пердидо»⁷⁰. Так пыталось американское правительство обосновать произведенные им аннексии, проводившуюся им политику территориальной экспансии.

Комментируя первые шаги США на международной арене, лондонская «The Times» писала: «Непрерывные споры между Англией и Соединенными Штатами в последние пять или шесть лет полностью отвлекли наше внимание от позиции американского правительства в отношении других государств, и особенно Испании с ее североамериканскими колониями... В то время, как американское правительство заполнило Европу жалобами на насилие со стороны Франции и Англии, оно само совершает самые дикие акты насилия в отношении своего мирного соседа Испании»⁷¹.

Характерно, что США, захватывая одно за другим испанские владения, заверяли в то же время Испанию в своих самых дружественных чувствах по отношению к ней. Американское правительство гарантировало Испании сохранение мира и свой самый «строгий нейтралитет», обещало ей в обмен за приобретенные испанские территории свою помощь и благожелательное отношение. В. И. Ленин в «Тетрадах по империализму» сделал следующее замечание по поводу захвата Флориды США: «Недурно! («Союз» — и «продажка»)»⁷². Такова подлинная история территориальных захватов США в Испанской Америке в начале XIX в.⁷³

⁶⁸ «Annals of the Congress of the United States», 12th Congress, 1st Session. Washington, 1853, p. 324.

⁶⁹ I. J. Cox. The American Intervention in West Florida.— «The American Historical Review», vol. XVII, January 1912, № 2, p. 291—292.

⁷⁰ «Diplomatic Correspondence...», vol. I, p. 8.

⁷¹ «The Times», 9.III.1814.

⁷² В. И. Ленин. Тетради по империализму. М., 1939, стр. 619.

⁷³ В данной статье сознательно оставлен в стороне вопрос о попытках США захватить в этот же период Мексику и Кубу, ибо он требует специального исследования.

Приведенные выше факты неоспоримо свидетельствуют о том, что внешняя политика правящих кругов США с самого начала носила захватнический, экспансионистский характер. Американские плантаторы-работовладельцы и капиталисты постоянно стремились к расширению сферы своей эксплуатации и господства путем приобретения чужих земель. Непрерывная территориальная экспансия была одним из важнейших источников обогащения американской буржуазии. Раздвигая границы молодого американского государства, правители США присоединяли к нему одну за другой земли, расположенные к западу от Миссисипи. К первоначальной территории 13 штатов, составлявших в 1783 г. США, была постепенно присоединена огромная территория остальных 35 штатов, причем эта экспансия шла в основном путем захватов, «покупок», капиталистической колонизации, организации «революций», подкупов, интриг и обмана, сопровождавшаяся истреблением коренного населения — индейцев.

Вся история территориальной экспансии США в первые десятилетия их самостоятельного существования полностью разоблачает утверждения апологетов американского капитализма, современных буржуазных фальсификаторов истории о якобы «оборонительном», «миролюбивом», «освободительном», «добрососедском» и тому подобном характере американской внешней политики. В действительности это была экспансионистская политика молодого капиталистического хищника, торопившегося любыми средствами захватить и колонизовать все доступные ему территории.

